

Ахматовские сироты

Юрий Левинг

«Ахматовские сироты»

ПРЕДИСЛОВИЕ К БЛОКУ СТАТЕЙ

DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_217

Как полуслуга-полусерьезно заметил в устной беседе Роман Тименчик, кажется, мы сейчас находимся в самом начале зарождения новой филологической субдисциплины — «сиротоведения». Эта исследовательская ветка вряд ли потребует новых теорий и подходов и, скорее всего, будет развиваться проторенными путями своих ближайших антецедентов — ахматоведения, мандельштамоведения, пастернаковедения и прочих «-ведений» под зонтичным прочтением русской поэзии XX века готовым филологическим инструментарием. После долгих лет замалчивания и вытеснения неофициальной русской литературы в пространство самиздата и неподцензурного эмигрантского книгоиздания, по законам компенсаторного процесса в три постперестроечных десятилетия ученые активно осваивали бронзовый век отечественной поэзии. Некогда альтернативная, а ныне вполне всеми принятая литературная история минувшего столетия по-прежнему открыта коррекционным процедурам, и сюжет о группе, поименованной с легкой руки одного из ее участников «ахматовскими сиротами», на наших глазах превращается в одну из глав, которые верстаются в продолжающуюся заполняться учетную книгу течений и персоналий.

Сразу оговоримся насчет ограничительных вешек, которыми приходится обставлять периметр предварительной территории для исследовательской работы. Феномен «ахматовских сирот» одновременно и уже, и шире заявленного в закавыченном определении. С одной стороны, речь, разумеется, идет о nominalной четверке поэтов — Иосифе Бродском, Дмитрии Бобышеве, Анатолии Наймане и Евгении Рейне, — составивших недолговечный волшебный хор (читатель здесь должен опознать еще одну цитату). И тут мы немедленно сталкиваемся с набором методологических проблем: фокусироваться ли нам исключительно на том периоде, когда квартет ощущал себя литературной группой — братством молодых поэтов под доброжелательным, но строгим оком Анны Ахматовой? Рассматривать ли творческие биографии каждого из бывших участ-

ников, разбросанных центробежной силой долгого XX века, по отдельности, либо с постоянной оглядкой на взаимодействие друг с другом и сателлитами из расширяющихся литорбит? Включаем ли мы сюда прозу, эссе, мемуары каждого из них? А что делать с теми, кто формально не входил в этот квадрат, вписанный в круг, однако вплотную находился на его периферии — от Горбачевской, Гордина и Кушнера до Уфлянда, Лосева и Венцлова (здесь можно подставить еще два десятка имен)?..

Более того, разумным может показаться аргумент тех, кто возразит, что историю четверки принципиально невозможно писать объективно, пока некоторые из ее участников продолжают активно воздействовать на дискурсивные стратегии (и отчасти даже ретроспективно ими манипулировать) для описания феномена литературного «сиротства». Результаты этого воздействия отчетливо проступают в многочисленных интервью и воспоминаниях, цель которых — оставить «последнее слово за собой» путем внесения дополнительных акцентов, влияющих, по мнению авторов, на рецепцию и оценку тех или иных событий недавнего прошлого. Тем не менее, осознавая промежуточность наших усилий, кажется необходимым и даже продуктивным начать разговор прямо сейчас. Формальным поводом к дискуссии послужила поэтапная институализация архивного наследия «сирот»: первый шаг в этом направлении сделал Йельский университет, два десятилетия тому назад предложив гостеприимный кров для архива Иосифа Бродского; частное собрание второго члена квартета, поэта и прозаика Анатолия Наймана, было приобретено библиотекой Принстонского университета весной 2023 года¹.

Нобелевское лауреатство Бродского стало мощным репутационным паровозом, который и по сей день тянет остальные вагоны по рельсам читательского интереса и научных конференций [Левинг 2011]. Сделаем и мы остановку на этом пути, чтобы осмотреться, куда мы попали, купить на придорожной станции (назовем ее Комарово) папиросы, расплатиться по небольшим долгам и свериться с расписаньем и картами.

* * *

Составленный по следам одноименного международного симпозиума² блок статей посвящен не всем «ахматовским сиротам», хотя в устных докладах и в прениях речь, конечно, шла обо всех четырех и не только. Каждому из названных авторов, волею судеб оказавшихся в одно время и в одном месте — послевоенном Ленинграде, еще предстоит издание полного собрания сочинений³.

1 См.: Princeton University Library acquires the papers of Soviet poet and secretary to Anna Akhmatova Anatoly Naiman (1936–2022). 2023. October 3 (<https://library.princeton.edu/about/library-news/2023/princeton-university-library-acquires-papers-soviet-poet-and-secretary-anna> (дата обращения: 15.01.2025)).

2 “Akhmatova’s Orphans”: International conference, 3–5 May 2024. Программа докладов: <https://slavic.princeton.edu/events/akhmatova%E2%80%99s-orphans-international-conference-3-5-may-2024> (дата обращения: 15.01.2025)).

3 Даже у И. Бродского, как ни странно, дефинитивного полного собрания сочинений с комментариями, вариантами и текстологической историей не существует. У А.Г. Наймана посмертно вышла последняя книга стихотворений (*Найман А. <бляха-муха>: стихи 2020–2021 годов / Ред.-сост. Ю. Левинг. СПб.: Jaromír Hladík press, 2024*).

А для всех вместе — формирование и публикация канонического поэтического корпуса именно в рамках немонолитной группы первой половины 1960-х, образовавшейся в оттепельную трещину истории, когда недавние заморозки закончились, а другие, судя по температуре тоталитарного градусника, только начинались (и вскоре заденут одного из них по сфальсифицированному административному делу о социальном паразитизме). Возможно, главный нелитературный урок Ахматовой для ее последователей состоял в том, что можно противопоставлять свою поэзию государственной идеологии, сохраняя при этом автономию художественного слова. Это тихое сопротивление станет одним из центральных факторов их творчества.

Первый подступ к описанию и контекстуализации феномена литературного союза ленинградской четверки предпринят в открывающей блок статье **Романа Тименчика** «Ахматова и т.н. “сироты”». В ней автор анализирует формирование неформальной ахматовской школы сквозь призму исторических, культурных и личных аспектов их отношений. Обращаясь к архивным материалам, автор показывает, что взаимовлияние и стихотворный обмен оказались возможными в силу диалогичности поэзии Ахматовой и ее учеников. Статья акцентирует внимание на интертекстуальных связях между произведениями Ахматовой и молодых поэтов, становлении их стиля и взгляде на них как на «аввакумовцев», существующих параллельно ожиданиям советского официоза.

Статья **Евгения Сошкина** «Мертвые сироты Ахматовой» посвящена исследованию образа сиротства у Анны Ахматовой. Автор рассматривает метафору «ахматовские сироты», введенную в оборот Дмитрием Бобышевым, в контексте герметичного творчества Ахматовой, у которой тема сиротства пародоксально заострена на пересечении мотивов взаимной вины матери и ребенка («Реквием» и «Путем всея земли»). Особое внимание автор уделяет литературно-мифологическим аспектам творчества Ахматовой, в частности истории о жене Лота, и проводит параллели между ее поэтикой и работами писателей и художников — Марины Цветаевой, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама и Натальи Гончаровой.

В статье «Стихотворение Иосифа Бродского “Дорогая, я вышел сегодня из дома поздно вечером...”: небиблиографическое прочтение» **Александр Долинин** отходит от традиционной интерпретации этого текста как автобиографического и мизогинного документа, предлагая взглянуть на произведение в контексте поэтических традиций. Долинин настаивает, что жанровая модель стихотворения связана с классической любовной лирикой, например с творчеством Катулла, Проперция и сонетами Шекспира, а лирические ноты соседствуют с инвективами в адрес неназванной Марины Басмановой. Одной из ключевых тем анализа становится изучение автоперевода Бродского на английский язык, где появляются анаграммы имени адресата и аллюзии на про-

Все поэтические произведения Наймана, Рейна и Бобышева до сих пор публиковались только отдельными сборниками; стоит напомнить, что участники квартета (кроме Бродского) начали публиковаться в зрелом возрасте. По понятным причинам вокруг творческого наследия Бродского сложился наиболее разработанный исследовательский кластер, который в силу своего относительно длительного функционирования уже подвергается авторефлексии (см. статьи в недавно вышедшем сборнике: [Betha 2024; Ueland 2024]).

изведение Малларме «Brise Marine». Согласно Долинину, финал стихотворения, описывающий отлив и запах гниющих водорослей, не только символизирует конец любви и разрыв с романтическим представлением о поэте как тоскующем одиночке, но и трансформирует реальность и сохраняет память о возлюбленной в стихах.

Лев Оборин в разборе стихотворения А.Г. Наймана из сборника «Подножие Гале» (2015) «Растительность» («“Растительность” Анатолия Наймана: к поэзии разветвления») фокусируется на трехчастной структуре многослойного и разветвленного текста, объединяющего поэтические символы и научный дискурс. Уникальная метрика и строфики каждой части превращают «Растительность» из элегии в метапоэтическое высказывание с глубокой культурной рефлексией, исследующее разнообразие стилей и процесс поэтического творчества как таковой.

Статья **Юрия Левинга** «Куда (и откуда) скакет всадница матраса? Еще раз об интертекстуальных связях “Письма в оазис” Бродского» восстанавливает историю создания стихотворения, изначально адресованного поэту Александру Кушнеру, и предлагает его интертекстуальный анализ. Содержание «Письма в оазис» инициировало литературный конфликт, обнажив напряженные отношения между поэтом и властью, а также проблему выбора героям и автором между изгнанием и конформизмом. Полемика продолжилась после смерти одного из непосредственных участников размолвки.

* * *

Включенные в блок статьи объединяют интерес их авторов к проблематике литературных влияний, культурной преемственности и межпоколенческого диалога в русской литературе. В условиях идеологического давления советской эпохи «сиротство» внесистемных поэтов подталкивало к необходимости формировать новую поэтику, которая сочетала бы наследие репрессированного прошлого с вызовами настоящего. Фигура Ахматовой становится для Бродского, Бобышева, Наймана и Рейна связующим звеном между утерянной довоенной культурой и послевоенными литературными направлениями. Экзистенциальные мотивы сиротства, памяти, изгнания, личной и гражданской ответственности в произведениях Ахматовой нашли отклик в биографиях и поэзии ее учеников. Диспозиция между наставницей и окружением имела диалектический характер: с одной стороны, Ахматова являлась источником вдохновения и ориентиром, с другой — объектом критической ревизии, порой даже полемики, как в случае с Бродским и Кушнером. То были отношения неравенства, но и взаимного признания. Вопреки непродолжительности бытования четверки как литературной группы и ее скандальному распаду, «ахматовские сироты» стали символом меньшинства, которое под давлением внешних обстоятельств нашло силы к эстетическому сопротивлению и переосмыслению культурного наследия.

Библиография / References

[Левинг 2011] — Левинг Ю. Парадоксы Бродского. (От составителя) // Новое литературное обозрение. 2011. № 112. С. 256—260.
(*Leving Yu. Paradoksy Brodskogo. (Ot sostavitelya)* // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2011. No. 112. P. 256—260.)

[Ueland 2024] — Ueland C. Valentina Polukhina, Lev Loseff and the Invention of Brodsky Studies // Joseph Brodsky and Modern Russian Culture / Ed. by J. Andrew, K. Hodgson, R. Reid, A. Smith. Leiden; Boston: Brill, 2024. P. 64—79.
[Bethaea 2024] — Bethaea D. The Brodsky Legacy: Looking Backwards, Looking Forward // Joseph Brodsky and Modern Russian Culture / Ed. by J. Andrew, K. Hodgson, R. Reid, A. Smith. Leiden; Boston: Brill, 2024. P. 96—125.